

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ

Редколлегия «Социологического журнала» поздравляет профессора Гарольда Ефимовича Зборовского с 75-летним юбилеем. Им многое сделано в области исследования социальных процессов, в разработке теории и истории отечественной и мировой социологии, подготовке кадров и организации российской социологии. Недавно профессор Зборовский вошел в рейтинг 30 ведущих социологов России, названных социологической элитой страны, став при этом единственным представителем социологического сообщества, находящегося за пределами Москвы и Санкт-Петербурга¹.

Желаем Вам, Гарольд Ефимович, сил и куража для продолжения Вашей деятельности по всем дорогим для Вас направлениям научной и педагогической деятельности.

Полный текст публикуемого интервью, озаглавленный «Я ощущаю себя в первую очередь профессором», вошел в книгу «Социология: современность и перспективы: Сб. науч. статей» (Екатеринбург: УрФУ, 2013), подготовленную коллегами Г.Е. Зборовского к его юбилею.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

«МЕНЯ ТРЕВОЖИТ РАСКОЛ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ»

Профессор Г.Е. Зборовский рассказывает о своем пути в социологию, о важнейших направлениях и результатах своих научных исследований, о многолетней преподавательской деятельности, а также размышляет о состоянии и перспективах развития российской социологии.

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. **Адрес:** 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. **Телефон:** +7 (343) 375-95-72.

Электронная почта: garoldzborovsky@gmail.com

Интервью провел *Б.З. Докторов* в марте–мае 2013 года.

¹ Подробнее об этом проекте см. на сайте Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/home/press/news/article/tjazheloves-rossijskoi-sociologii-v-uralskom-federa/>) или в статье «“Тяжеловесы” российской социологии: опыт измерения статуса и ресурсов ученых» («Социологические исследования», 2013, № 10).

Ключевые слова: российская социология, социологические исследования на Урале, система социологических теорий.

Гарольд, в Вашей краткой сетевой биографии указывается, что Вы родились в Баку. В этом городе давно жили Ваши предки или судьба забросила туда Ваших родителей? Вообще, пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье. Я заметил, у людей, имеющих историческое образование, это хорошо получается.

Я родился в Баку 17 сентября 1938 г. в семье служащих. Папа работал бухгалтером, мама — машинисткой. Насколько я помню из рассказов родителей, особенно мамы (она намного пережила папу, он умер в 1964 г., а она — в 2002 г.), в Баку они оказались потому, что там жили родители и родственники папы, и они могли помочь на первых порах молодой семье. Мой единственный брат (ему недавно исполнилось 80 лет) родился в Крыму, сейчас он живет в Уфе. Видимо, жизнь в Крыму была непростой, и родители вскоре переехали в Баку.

Папа, несмотря на то, что имел только среднее образование (10 классов) и инвалидность «пятой группы», быстро продвигался по служебной лестнице, становился старшим и главным бухгалтером (в частности, на заводе Парткоммуны в Баку). Видимо, он был способным специалистом, вводил механизацию в бухучете и еще делал что-то такое, в чем я не разбираюсь. В 1948 г. семья переехала в Одессу, где вскоре отец стал главным бухгалтером Черноморского пароходства. В Одессе мы прожили всего четыре года, и в 1952 г. переехали на Урал, в Уфу. Причины этого переезда мне рассказал папа незадолго до своей смерти. Они были связаны с известным «делом врачей», к которому, конечно, он не имел никакого отношения, но был евреем. Когда в Одессе начались эти события, папа был в командировке в Москве и сдавал какой-то отчет о работе пароходства министру финансов Звереву. Тот лично знал отца, очень высоко его ценил, поскольку он одним из первых в стране вводил механизацию счетного дела. Зверев спросил отца, понимает ли он, что происходит, и как видит для себя лично последствия этого «дела», на что папа ему сказал, что, конечно, все понимает и уверен, что будет снят с работы, как минимум, а возможно, произойдет что-либо похуже... Тогда министр тут же предложил ему написать заявление начальнику пароходства с просьбой о разрешении перевода на другую работу, в Уфу. В то время там строились очень крупные нефтеперерабатывающие заводы. Министр предложил папе стать гл. бухгалтером строительства и эксплуатации одного из них с получением в течение двух месяцев квартиры и последующим переездом туда семьи. Папа, не раздумывая, согласился, министр подписал его заявление и послал

его правительственной телеграммой в Одессу. На следующий день папа вылетел из Москвы в Уфу, принял завод, а через 1–2 месяца приехал в Одессу за нами.

Мама всю жизнь, вплоть до пенсии, проработала машинисткой — сначала рядовой, а последние лет 15 — начальником машбюро. Когда-то это была очень нужная и популярная профессия, впрочем, она давно исчезла. Особенно ценились грамотные машинистки, за них всегда шла борьба. Мама была именно такой и, насколько я помню, пользовалась большим уважением в коллективе.

Где прошли Ваши школьные годы? Чем запомнилось Вам то время? Каковы были Ваши интересы?

Учился я в школах Баку, Одессы и Уфы, причем в каждом городе занимался одновременно в двух школах — обычной и музыкальной, по классу скрипки. В Уфе, закончив музыкальную семилетку, параллельно с общеобразовательной школой я учился и в музучилище. Летом, в каникулы, работал скрипачом в оркестре кинотеатра «Победа». Помните советские кинотеатры 1950–1960-х гг. в крупных городах, где в течение получаса перед вечерними сеансами оркестры исполняли популярную музыку? Я получал большое удовольствие и осваивал практику игры «с листа». Потом она меня сильно выручила, когда я после окончания школы и училища в 1955 г. приехал в Свердловск, чтобы поступать в университет и консерваторию одновременно. Через год, обучаясь в университете на истфаке и бросив учебу в консерватории после первого семестра (совмещать оказалось невозможно), я устроился работать в эстрадно-симфонический оркестр, победив в конкуренции с более сильными по технике скрипачами за счет именно навыков игры «с листа».

Школьный период жизни оказался крайне важным для меня. Учеба в двух школах, любовь к спорту, особенно к баскетболу и шахматам, заставили меня ценить время и рационально использовать его. Думаю, что первая в социологии моя научная страсть и интерес — сначала к свободному времени, а затем и к социальному времени — коренятся в школьном детстве. Я буквально кожей чувствовал время, без часов на руке днем я определял его с точностью до 10–15, а ночью — до 30 минут (специально многократно проверял).

Дважды средняя школа была для меня настоящей школой жизни: первый раз, когда учился в ней, а второй — когда после окончания университета четыре года работал учителем истории. Вообще о школе могу говорить бесконечно, боюсь только, все это займет слишком много места. Совсем не затронул вопрос об учителях. Очень коротко: своих учителей в Баку (с 1 по 4 класс) и Одессе (с 5 по 7 класс) совсем не помню, никого. Зато учителей уфимской, точнее черниковской школы № 26 (Черниковск — это был промышленный город, по

существу район Уфы в 20 км. от нее, сейчас это просто Орджоникидзевский район Уфы) помню прекрасно, а с одним из них дружил после школы лет 15, до самой его смерти.

Мои респонденты, которые немного старше Вас, помнят свои первые впечатления о смерти Сталина. Что у Вас по этому поводу сохранилось в памяти?

Я думаю, что мои воспоминания о смерти Сталина мало отличаются от воспоминаний моих сверстников. Тогда я учился в 8 классе. В день смерти Сталина нас всех — учащихся второй смены школы — построили в зале, учителя плакали, директриса тоже. Сквозь слезы она объявила нам о его смерти и сказала, что мы теперь должны еще лучше учиться, и это будет ему лучшей памятью. Хорошо помню, что я не плакал, а просто стоял и смотрел. Девчонки плакали все, мальчишки — почти никто. А потом мы даже об этом и не говорили. Были другие интересы и занятия. Но в этот день мы никуда не ходили. Дома мама спрашивала отца, что же теперь будет с нами. Их разговора на эту тему я не помню, скорее всего, даже не слышал. Все последующие разговоры о Сталине и обсуждения были уже в университете, куда я поступил в 1955 г.

Вы жили в Уфе, крупном промышленном городе, и был бы естественным Ваш выбор какой-либо технической профессии; откуда такой интерес к истории, что Вы решили поступать на исторический факультет? Как Вам виделась тогда Ваша будущая работа?

Мой выбор профессии никак не был связан с особенностями города, его промышленно-технического профиля. Я изначально был предрасположен к гуманитарному, точнее социогуманитарному знанию. Не могу сказать, что безумно любил историю, скорее отдавал предпочтение литературе, очень интересовался географией (экономической). Сейчас, по прошествии почти 60 лет, думаю, что главным был интерес к социальной и даже к политической проблематике. Кроме того, я ведь был еще и музыкантом по профессии. Главный выбор был между университетом и консерваторией. Тогда, а мне еще не было и 17-ти, я понял, что приличного скрипача из меня не получится, и даже закончив консерваторию, я буду сидеть в оркестровой яме, чего мне очень не хотелось. И выбор был сделан в пользу университета в Свердловске. Конкурсы были очень большие. На истфак, когда я поступал, конкурс составлял 12 человек на место, а проходной балл оказался предельно высоким — 25; мы сдавали 5 экзаменов. Помню длившийся целый час экзамен по географии — подлинная экзекуция — завершился все-таки отличной оценкой. Так я оказался студентом истфака.

Что касается моих представлений о будущей работе именно в тот период, когда я поступал, то, насколько я помню, они были очень неопределенными и размытыми. Интересовала сама учеба. Четко помню, что о науке, об исторических исследованиях я даже не задумывался. Наиболее вероятной перспективой была профессия учителя истории.

В студенческие годы какие области истории Вас особенно привлекали? Повезло ли Вам с преподавателями? Мне кажется, что в годы Вашего студенчества история была очень идеологизирована, так ли это?

Вы знаете, ни одна из областей истории не вызывала у меня особого интереса. Его вызывали скорее отдельные преподаватели. Среди них я бы выделил в первую очередь выдающегося византиниста профессора М.Я. Сюзюмова, который свободно владел шестью иностранными языками, перевел целый ряд важнейших источников, касающихся экономической жизни Византии.

Если продолжать разговор о преподавателях, которые оказали на меня самое сильное, если не решающее, влияние в выборе дальнейшего пути, то абсолютно однозначно, не колеблясь ни минуты, должен сказать, что это был Лев Наумович Коган. Он преподавал у нас и диамат, и истмат, и историю философии. Лекции читал он просто великолепно. В них и в него самого мы все были просто влюблены. И хотя это были лекции по философии, а не по социологии (тогда, в 1956–1958 гг., этого слова мы даже не знали), сам его подход к анализу общественных явлений и процессов был по духу своему скорее социологическим. Конечно, вряд ли тогда это осознавалось в полной мере даже им самим. Я бы сказал, что лекции Когана были не просто содержательными и очень четкими по позициям, но эффектными, яркими, даже красивыми. Те, кто слушали его и знали манеру его выступлений, помнят, каким он был блестящим оратором.

И здесь нужно специально остановиться на вопросе об идеологизированности учебного процесса. Конечно, это так. Даже у Сюзюмова на первом месте стояло знание Маркса. Помню, что на втором курсе писал у него курсовую на тему «Суд над Яном Гусом на Констанцком соборе». Работа писалась мной исключительно на латинских, немецких и чешских источниках, которые я сам же и переводил. Сюзюмов очень высоко оценил работу, отметил ее исследовательский характер, но поставил четверку, а не пятерку, — за то, что я не использовал «Хронологические выписки» Маркса, в которых он давал оценки гуситского движения. Конечно же, не могло не быть идеологизированным и преподавание Л.Н. Когана.

Это было время, когда любая лекция и любая статья (не говоря уже о книгах) начинались и завершались ссылками на партийные

документы, работы Маркса, Энгельса, Ленина и до 1956 г. — Сталина. Идеологизированной была не только история, но и все остальное. Вбито в голову все было очень сильно, если сравнивать с гвоздем, то — по самую шляпку. Поэтому избавление от этого впоследствии было тяжелым и мучительным для очень многих. Для себя не делаю исключения. Но мне было, как мне кажется, чуть легче, чем другим. Это было связано с тем, что, начиная с 1963 г., я стал читать зарубежную социологическую литературу.

Выпускники университетов обычно не идут преподавать в школу. Вы стремились стать учителем истории или так «послôжилось»?

Я не соглашусь с такой постановкой вопроса, точнее, его первой части. Университет университету — рознь. МГУ, ЛГУ — да. Выпускники этих вузов в школу направлялись редко, чаще — преподавать в вузы, или шли в НИИ. Но провинциальный университет, а именно таким и был Уральский госуниверситет им. М. Горького (УрГУ), готовил специалистов по большей части для работы в школе. Это вовсе не значит, что так оно и получалось у выпускников. У нас был очень сильный курс, и после нескольких лет обязательной работы в школе по распределению (причем не только в городской, но и в сельской) многие из школы уходили. Из студентов моего курса человек пять защитили докторские, с десятков — кандидатские диссертации. И у меня не было большого выбора, ибо в аспирантуру брали только после обязательной отработки в школе. Для меня же эта дорога была закрыта по вполне понятной причине, какую была национальность. Было и еще одно требование — партийность, которое оказывалось также несовместимым с этой же причиной.

Поэтому могу сказать, что, с одной стороны, я стремился стать учителем истории, и эта работа мне очень нравилась. Я всегда говорил и повторяю это сейчас: средняя школа была для меня настоящей школой жизни. Я очень многому в ней научился. У меня в школе многое получалось, и из меня со временем, вероятно, мог бы выйти приличный учитель. Дети ходили за мной «табуном», видимо, им было со мной интересно: я им много рассказывал из того, чего в учебнике не было; играл с ними в шахматы, баскетбол, настольный теннис; ходил в турпоходы, руководил хором и т. д.

С другой стороны, то, что я стал учителем истории, оказалось неизбежным следствием существовавшей ситуации, — я в принципе больше никем сразу стать тогда не мог. Нужно было поработать в школе — в качестве необходимого первого этапа профессиональной жизни, и только потом искать что-то другое.

Что заставило Вас или что повлияло на Вас, что Вы решили идти в науку? Как это происходило? Было ли это движение сразу в социологию, или были какие-то промежуточные ступени?

Работая учителем в школе, я понял, что надолго в ней не задержусь. Не потому, что мне в ней было некомфортно, как раз наоборот, мне нравилась профессия педагога. Но в то же время тянуло в науку, причем первые два года работы в школе (а это были школы в Уфе, куда я поехал работать после окончания университета) я не осознавал до конца, чем хочу заниматься в науке. И тогда я решил сдать кандидатские экзамены. Прикрепился для этого в Башгосуниверситет и за год, второй сезон работы в школе, сдал английский язык и диалект истматом. В 1961 г. я по семейным обстоятельствам переехал в Свердловск и поступил работать вновь в школу историком. В это время в Свердловске начала исследования научная группа Академии педнаук СССР (АПН). В ней работали опытные педагоги, только началось преподавание обществоведения в школе, что меня особенно привлекало. Я приглянулся этим людям как молодой учитель, тем более что у меня были сданы два кандидатских экзамена и открывался простор для написания диссертации. И именно в это время, примерно с 1962 г., я стал задумываться о работе не в педагогике, а в сфере науки, о которой почти ничего не знал, но именно поэтому и хотелось попробовать в ней свои силы. Это была социология, о которой в начале 1960-х гг. не знали не только я, но и подавляющее большинство тех, кто работал в общественных и социально-гуманитарных науках.

Здесь произошла история, которая сильно подтолкнула меня к выбору дальнейшего пути. В 1963 г. меня рекомендовали (все та же научная группа АПН) для приема вступительных экзаменов по истории в Свердловский юридический институт. Я принимал экзамены в июле-августе с зав. кафедрой истории государства и права Б.Ф. Ливчаком; через несколько лет он блестяще защитил докторскую диссертацию. Это был умнейший, интеллигентнейший и образованнейший человек, при этом он оставался всегда предельно деликатным. Мы с ним вели долгие и очень интересные разговоры. В конце концов он мне сказал: «А почему бы Вам не пойти к ректору и не попроситься на работу в институт?» Я так и сделал. Я просто пришел к ректору и сказал: «Хочу работать у вас в институте на кафедре философии». Ректор очень удивился и спросил, кто я такой и что знаю и умею делать. Я сказал, кто такой, назвал три сданных кандидатских экзамена (к этому времени я, работая в школе Свердловска, сдал еще один экзамен по французскому языку, хотя никакой необходимости в этом не было, просто хотелось самостоятельно изучить этот язык). Сказал также, что в вузе не преподавал, делать это не умею, но очень

хочу научиться, хочу стать хорошим педагогом и заниматься социологической наукой. Ректор удивился еще больше, поскольку о ее существовании только смутно догадывался: он был юристом, специалистом по международному праву. Однако, увидев страстное желание молодого человека, вызвал исполняющую обязанности заведующего кафедрой философии и поручил ей найти для меня почасовую нагрузку и походить на мои занятия. Занятия, видимо, были признаны не самыми плохими, и меня взяли в штат.

Переход в вуз означал для меня начало новой жизни, новой, большой работы, и в ее «омут» я самозабвенно «кинулся». Мне очень нравилось работать со студентами, я читал им диамат. Но главной стала моя работа в области социологии. Об этом следует сказать подробнее, поскольку именно с осени 1963 г. все началось. Было это так.

На ноябрьские праздники 1963 г. приехал зав. кафедрой философии Георгий Петрович Орлов, который был в то время в Москве в ИПК. На демонстрации мы с ним познакомились, сразу, буквально в одну секунду почувствовали взаимное расположение (после этого дружим уже более 50 лет) и подробно поговорили о том, чем бы я хотел заниматься. Я ему сказал, что только социологией. Тогда он поднял вверх указательный палец, сказал «о!» и тут же мне предложил тему. Дело в том, что в ИПК он начал заниматься проблемой свободного времени. Его научным руководителем там был М.Т. Иовчук. И он сказал Орлову, что только что приехал из Парижа, и там этой проблемой активно занимается, далее цитирую Иовчука со слов Орлова — «то ли Мумазедье, то ли Дюмазедье». При этом Иовчук сказал, что если бы нашелся парень, который владеет, хотя бы плохонько, иностранным языком, то было бы здорово, потому что нам надо заниматься критикой буржуазной социологии, а что такое буржуазная социология досуга, никто толком не знает. По существу я получил предложение и тему. Судьба моя была решена, и безвозвратно.

Не припомните, по каким отечественным и зарубежным книгам Вы осваивали теорию и методы социологии?

С отечественной социологией было просто в том смысле, что литературы выходило не так много, и вся она так или иначе доходила до меня. Поэтому читал все, что было и что издавалось. По зарубежной социологии были вообще крохи: переводы книг «Социометрия» Дж. Морено (1958), «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (под ред. Г. Беккера и А. Боскова, 1961). Вышли переведенные материалы (не все, конечно) V Всемирного социологического конгресса (1962 г., Вашингтон). По-моему, они были опубликованы в 1964 г., и готовил их Г.В. Осипов. Поскольку я был членом Советской социологической ассоциации (ССА), то получал информационные бюллетени, они издавались на ротапинтере тиражом

980 экз. Это было самое интересное. Там были и переводы зарубежных работ по методике и технике исследований.

Сложнее было с первоисточниками — работами зарубежных социологов: по межбиблиотечному абонементу (МБА) книг высылалось мало, поэтому любую командировку в Москву (кроме самой первой, о которой еще скажу) я стремился сочетать с работой в библиотеках. Это было ужасно, потому что в Москве, кроме библиотек, были еще театры, Большой зал консерватории...

Работая дома, старался как можно больше заказывать литературы на английском и французском языках по МБА. Присылали книги (правда, далеко не все, в среднем, каждую пятую из заказа), микрофильмы. Помню, что читал на французском Ж. Фридмана (крупнейшего представителя социологии труда, его знаменитую работу “*Où va le travail humaine?*” — «Куда идет человеческий труд?»), Ж. Фурастье, Ж. Дюмазедье и др.

Поскольку назвал последнего, чуть отвлекусь от канвы изложения. С Жоффром Дюмазедье мне посчастливилось познакомиться лично в Варне в 1970 г., на VII Всемирном социологическом конгрессе, за что огромное спасибо Б.А. Грушину — он был с ним хорошо знаком, очень тепло представил меня французскому социологу, который был президентом исследовательского комитета по социологии досуга и вел его заседание. На этом заседании я делал доклад на английском языке о проблемах теории свободного времени. Перед конгрессом у меня как раз была опубликована брошюра на эту тему. До сих пор помню публичную полемику Дюмазедье со мной после моего доклада. Он мне сказал тогда, что мы (в СССР) неправильно интерпретируем Маркса. А получилось так, что мы не знали еще его «Экономических рукописей 1857–1859 годов», они не были переведены в то время на русский язык, это было сделано лет через пять¹, а там есть целый параграф о свободном времени. Дюмазедье же читал их, так что урок был преподан хороший. Кстати, на самую фундаментальную работу Дюмазедье «К цивилизации досуга» (“*Vers une civilisation du loisir*”) я написал большую аналитическую рецензию и опубликовал ее, по-моему, в «Вопросах философии».

¹ В русскоязычных изданиях эти экономические рукописи частично публиковались и ранее, начиная с 1904 года. В полном объеме они издааны в 1968–1969 гг. в дополнительном томе 46 ко второму изданию «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса (Политиздат. Т. 46. Ч. 1–2). Любопытно, что Часть 1, куда входят семь рукописей, не имеет названия. Лишь Часть 2 называется «Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант “Капитала”»». — *Прим. ред.*

Продолжая разговор о том, кого из социологов читал в первой половине 1960-х, должен назвать американцев М. Каплана, Г. Виленски, Н. Андерсона и других — всех уже не вспомню, их было много. Но должен сразу сказать, что «классиков» в оригинале читал мало. Так, Парсонса в спецхране Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР (ФБОН) мне просто не давали на том основании, что у меня не было необходимой формы допуска. Поэтому работал в основном с социологической литературой по проблемам труда и свободного времени.

Мощным фактором, способствующим моему социологическому образованию, стала самая первая научная командировка в московские библиотеки — это было в апреле 1964 г. Я провел в них ровно 30 дней — с 1 по 30 число. Приходил первым, уходил последним. Работал в трех библиотеках: в уже названной ФБОН, Ленинке и Библиотеке иностранной литературы. Привез без преувеличения чемодан переводов, что позволило мне за последующие полгода написать кандидатскую диссертацию (которую в начале апреля 1965 г. защитил).

Л.Н. Коган был «своим» во многих социологических центрах: Москва, Ленинград, Поволжье и Сибирь, Эстония... Когда Вы начали знакомиться с социологами из других городов? Кто из них в те годы и позже в большей степени оказал влияние на Ваши научные интересы?

Мои знакомства с социологами из других городов никак не были связаны с именем Когана, разве что за мной шла слава человека, жившего с ним в одном городе и хорошо его знавшего. Когда люди узнавали, что я из Свердловска, первый вопрос был не о городе, не обо мне, а о Когане: ну как он? И когда слышали, что он в полном порядке, очень радовались и непременно просили передать ему привет (что я старался никогда не забывать делать). Разница между Коганом и мной в возрасте (15 лет) была в годы моей социологической молодости просто громадной. Это потом она стала стираться — вплоть до того, что Лев Наумович неоднократно предлагал мне (уже в начале 1990-х) называть его на «ты» и «Леня», то есть так, как звали его самые близкие к нему люди. Кстати, я так и не смог перейти, более того, не хотел переходить на такой стиль общения. Он был для меня всегда Учителем на «Вы».

Основным каналом знакомства и общения с социологами было участие в конференциях; я старался по возможности это делать, когда меня на них командировали. Очень много в этом плане дала мне поездка в Польшу летом 1965 г. в составе группы социологов, куда входили О.И. Шкаратан, В.Т. Лисовский, З.И. Файнбург, В.Г. Мордкович и ряд других, менее «маститых» по тем временам. Поездка эта была организована ЦК ВЛКСМ, а поскольку я был связан с молодежной

проблематикой и регулярно навещался в отдел, который возглавлял В. Васильев, то и получил предложение поучаствовать в этой поездке. От нее я получил громадную пользу. Мы были в Польше порядка трех недель, причем это была не туристская, а насыщенная по программе рабочая поездка с целью познакомиться с деятельностью польских социологов. Именно тогда я познакомился с З. Бауманом, А. Клосковской, П. Весоловским, З. Скужиньским, К. Жигульским (потом он стал министром культуры Польши) и др. Чрезвычайно полезным с точки зрения знакомства с социологами было участие во Всесоюзной конференции «Молодежь и социализм» (1967).

Как мне кажется, я довольно быстро стал узнаваемым человеком в нашей профессиональной среде. Этому способствовала и моя публикационная активность. Я много печатался в разных журналах — «Философские науки», «Вопросы философии», «Молодой коммунист», «Советская педагогика», «Новые книги за рубежом по общественным наукам» (это был реферативный журнал) и др. В 1970 г. вышла моя первая книга в соавторстве с Г.П. Орловым — «Досуг: действительность и иллюзии»; ее рецензировал Б.А. Грушин. Естественно, она добавила мне известности как «критику буржуазной социологии» (в то время выход монографии считался совсем не рядовым событием). Но, пожалуй, первой работой, которая принесла мне известность в профессиональном сообществе, была совместная с Г.П. Орловым статья в «Философских науках» (1964, № 6) — «Трактовка свободного времени в буржуазной и марксистской социологии». Она была написана в мае – начале июня 1964 г. по горячим следам моей первой поездки в Москву и тем материалам, которые я привез оттуда. Судя по информации, которую мы получили из Москвы, статья произвела большое впечатление на Иовчука, который был тогда главным редактором журнала. Он велел из уже сверстанного № 6 (журнал выходил тогда шесть раз в год) перенести в следующий какую-то статью, а нашу с Г.П. Орловым срочно поставить в номер.

Теперь о влияниях на меня и мои научные интересы. Из отечественных социологов я бы назвал в первую очередь В.А. Ядова и Л.Н. Когана. Время не изменило моих пристрастий. О Когане уже говорил и больше добавлять ничего здесь не буду. А вот о В.А. Ядове не могу не сказать. Я, как и раньше, сейчас считаю его самым крупным, самым значительным нашим социологом и поистине благодарен судьбе за возможность учиться у него, причем не столько лично (этого, к сожалению, было крайне мало), сколько по его работам. Если же учесть, что Владимир Александрович был моим оппонентом на защите докторской диссертации, проявив смелость и глубокую порядочность (тогдашний директор ИСИ и председатель ССА, которого перевели из Свердловска в Москву, М.Н. Руткевич «настоятельно»

отговаривал его от этого шага, а ведь на дворе был 1973 год), нетрудно представить мое благодарное отношение к Ядову. Когда я встретил его, приехавшего на мою защиту, в аэропорту Свердловска, и мы сели в машину, первое, что он сказал, — это то, что у меня в Москве есть очень влиятельный «друг» и что я должен быть готов психологически и морально ко всяким пакостям с его стороны. Как же Ядов оказался прав!

С Ядовым (в отличие от Когана) я никогда не был знаком достаточно близко. Конечно, мои статьи в «Философские науки» проходили через него как члена редколлегии. Опять же докторская диссертация... Я ему дарил некоторые свои учебники и книги. Не знаю, какого он обо мне мнения (смею только надеяться, что не самого плохого). Важно другое: есть люди, по отношению к которым ты всю жизнь чувствуешь себя учеником. Для меня в социологии из тех ученых, с которыми я общался лично, таких было двое: В.А. Ядов и Л.Н. Коган.

Говоря о людях, с которыми меня свела судьба и которые оказали на меня самое благотворное воздействие, не могу не назвать имени профессора Георгия Петровича Орлова, умнейшего и добрейшего человека. Я не видел руководителя кафедры более мудрого, чем он. И если я чему-нибудь научился в этой области профессиональной деятельности (а заведовал я кафедрами с небольшим перерывом почти 40 лет), то в значительной степени благодаря ему. Мы писали первые наши совместные — статьи (1965), книгу «Досуг: действительность и иллюзии» (1970), социологический учебник «Введение в социологию» (1992). Я многому у него учился. Нашей творческой и просто человеческой дружбе исполняется в этом году 50 лет, а ему — 85. Как бы хотелось увеличить и первую, и вторую цифры!

Пока Вы представляете как социолог-теоретик, методолог. Приходилось ли Вам заниматься прикладными (тогда говорили конкретными) исследованиями?

Да, конечно, и немало. Мне импонирует мысль Н.И. Лапина о том, что социологом может считать себя только тот, кто провел от «А» до «Я» хотя бы одно социологическое исследование. Я и сам так думал с достаточно давней поры. Но от него я услышал это раньше, чем сам сказал (точнее, сказал бы) об этом публично. На раннем этапе (от 1963 г. до начала 1970-х) это было исследование свободного времени школьников, которое мы проводили по заказу АПН СССР и просьбе журнала «Советская педагогика» [11] — самое первое эмпирическое исследование в моей жизни. Потом были исследования бюджетов времени студенчества. Во второй половине 1970-х гг. под моим руководством проводилось многомерное исследование образа жизни учительства Свердловской области (мне кажется, одно из

первых в стране), которое мне доставило кучу проблем и неприятностей; из-за него я чуть было не поплатился работой и партбилетом. В 1980-е гг. я руководил исследованиями в системе профтехобразования — в первую очередь инженерно-педагогических работников. Кроме того, кафедра, которой я заведовал, проводила под моим руководством хозяйственные исследования на двух крупных уральских заводах — Турбомоторном в Свердловске и Автозаводе в Миассе; это завод по производству знаменитых (или печально-знаменитых) грузовых «Уралов». В 1990 – 2000-е гг. мы исследовали проблемы образования. Из исследований последних лет — только недавно закончили крупную работу по проблемам социокультурной адаптации и обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе; по итогам издали большую монографию [3]. В «Социологических исследованиях», уже в этом году, вышла наша статья по материалам этого исследования [12].

Думаю, что десятка два исследований, не меньше, было проведено с моим участием и под моим руководством. В этой сфере социологической деятельности я активно сотрудничаю последние 20 лет с моей ученицей Шуклиной Еленой Анатольевной. Она у меня писала кандидатскую и докторскую по проблемам социологии самообразования; она — профессор, доктор социологических наук; у меня с ней в соавторстве несколько книг [14; 15], в том числе «Социология педагогического образования», написанная вместе с еще одним моим учеником — доктором социологических наук В.П. Засыпкиным [4], а также очень много других публикаций. Она прекрасный специалист в области методологии, методики и техники социологических исследований.

Но я никогда не считал себя ни прикладником, ни эмпириком и относил (отношу) себя прежде всего к теоретикам.

Какие теоретические вопросы социологии Вы изучаете сейчас и какие ответы, пусть в первом приближении, вырисовываются?

Это невероятно сложный вопрос. Начну с рассмотрения некоторых итогов за последние пять-шесть лет, чтобы было ясно текущее состояние теоретических поисков, потому что именно это время было важным с точки зрения их определения.

За эти годы у меня вышло три больших работы, каждая из которых отражает определенное направление моих теоретических интересов и соответствующих им исследований [6; 9; 10]. В перерывах между ними вышло несколько книг, написанных в соавторстве с В.П. Засыпкиным и Е.А. Шуклиной в рамках социологии образования по материалам эмпирических исследований. Помимо названных выше, это «Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах» [3], «Учительство как социально-

профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования» [5]. На основании этого перечня можно сделать вывод, что одним из актуальных направлений в моей работе является социология образования. В рамках этой отраслевой социологии за последние 20 лет я опубликовал пять книг, как монографий, так и учебных пособий, и десятки статей.

Теперь о первой работе, посвященной метапарадигмальной модели современной теоретической социологии. Меня давно интересует вопрос о систематике социологических теорий. Когда я писал «Историю социологии» (конец 1990-х), естественно, использовал этапный подход (традиционно выделял классический и современный этапы с разбивкой каждого на периоды). Теорий и парадигм в социологии всегда хватало, и они были «расположены» и рассмотрены мною поэтапно и «попериодно». Я отказался от основного, господствовавшего в литературе способа их изложения — постранового. Тогда, более 10 лет назад, я поставил вопрос о необходимости создания в социологии некоего аналога «Периодической системы химических элементов», который позволил бы сгруппировать, проклассифицировать, систематизировать по определенным критериям имеющиеся и будущие теории. Но как это сделать, я тогда не видел. В «Теоретической социологии...» [9], мне кажется, я нашел такой подход. Им оказался, как я его назвал, метапарадигмальный подход. Все структуры социологического теоретического творчества (концепции, теории, парадигмы, метапарадигмы) я объединил для рассмотрения в рамках пяти основных метапарадигм: классической, неоклассической, постклассической, неклассической, постнеклассической. В основе подхода — отношение к классической социологии (в каждой метапарадигме — свое). Соответственно, с учетом внутренних критериев структурирования (понимание общества, объекта и предмета социологии, объективного-субъективного, макро- и микросоциологического и т.д.) была предпринята попытка распределить существующие теории и парадигмы по соответствующим строкам и столбцам таблицы. Решению именно этой задачи и была посвящена упомянутая книга.

Другая цель была поставлена в «Теории социальной общности» [10]. Мне давно было ясно, что объект социологии — общество — есть полная абстракция, которая не подлежит реальному и, тем более, эмпирическому изучению. А что тогда подлежит? К ответу на этот вопрос меня подтолкнула идея В.А. Ядова, сформулированная им относительно предмета социологии в году 1990-м. Тогда он писал, а потом несколько раз повторил в последующие годы и в разных работах, что в таком качестве выступают социальные общности. Стало понятно, что общество не только можно, но и нужно рассматривать в качестве взаимосвязи (Ядов писал сначала — совокупности, что

менее точно) социальных общностей. Но главным, конечно же, и именно это я и старался доказать, является изучение взаимодействия социальных общностей, выступающего в качестве ядра предметного поля социологии.

Но для теории социальной общности такая трактовка — только исходный пункт, не более того. Оказалось, что те признаки социальной общности, которые ей традиционно приписывались со времен Ф. Тённиса, а в конце прошлого – начале нынешнего века — рядом зарубежных и отечественных социологов (включая Смелзера, Щепаньского, Ядова и др.), недостаточны. Нужны новые характеристики, отвечающие реалиям и, тем более, новым типам социальных общностей (например виртуальным). Помимо социокультурных, этнических, демографических, территориальных, профессиональных, религиозных и др., требует нового подхода признак идентификации (самоидентификации). Существенное значение приобретает хронотоп социальной общности, выявление ее ресурсов (ресурсный подход), реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и др. Я постарался применить структурный подход к социальной общности и связать его с ее социальным действием (использовал для этого теорию структуризации Гидденса), рассмотрел повседневные практики социальной общности и ее образ жизни, дал классификацию социальной общности и охарактеризовал основные ее виды (по самым разным основаниям).

Наконец, в моей последней монографии «Знание и образование в социологии: теория и реальность» [6] я постарался подвести некоторые итоги своей работы в области изучения образования и знания за последние 15 лет. То, что я делаю сейчас, в известной мере есть продолжение нескольких взаимопересекающихся линий теоретического анализа, наметившихся раньше. Дело в том, что, постоянно отслеживая и анализируя проблематику общей социологической теории, я испытывал каждый раз необходимость исследования ее взаимодействия с отраслевыми социологиями и разработки таким образом специальных социологических теорий, поскольку каждая из них есть следствие определенного соотношения общей и отраслевой социологии.

Здесь я подхожу к вопросу о необходимости четкого разграничения отрасли социологии и специальной социологической теории, которое, к сожалению, зачастую игнорируется в научной литературе. Если отрасль социологии связана с наличием конкретного предметного поля, специфической сферы исследования, то специальная социологическая теория, также имеющая свою специфическую предметную зону, есть особым образом организованное логическое обобщение изучаемой социальной практики, связывающее общую социологическую теорию с эмпирическим исследованием этой практики.

Таким образом, специальные социологические теории могут существовать как в рамках отдельных отраслей социологического знания (например, различные теории образования — в границах социологии образования), так и на стыке их с общей социологической теорией (институциональные теории образования).

Работая в границах таких отраслей социологической науки, как социологии свободного времени, образа жизни, образования, знания, управления, культуры, я стремился исходить из общих принципов создания, построения конкретного знания. Если этого не делать, можно прийти прямо и непосредственно к разрыву между общей и отраслевой социологиями, общей и специальной социологическими теориями. Многие ошибки, недостатки и проблемы в наших исследованиях возникают уже тогда, когда мы не сопоставляем предмет социологии как науки в целом с предметом той или иной отраслевой социологии. Посмотрите, как в литературе определяют предмет социологии труда, социологии молодежи, социологии города, социологии досуга и т. д., и вы увидите, что зачастую нет никакой связи между определениями и трактовками предмета социологии как науки в целом и предмета той или иной конкретной области социологического изучения.

Особый теоретический интерес в последние годы у меня проявляется к поиску связей между различными отраслями социологического знания, объективно расположенными «близко» друг к другу по объекту, предмету, кругу рассматриваемых проблем, а субъективно — с точки зрения конкретного социологического творчества — никак не связанных между собой. В 2006 г. у меня вышла книга по социологии досуга и культуры [8], в которой я предпринял усилия к поиску методологических и даже методических связей между социологиями культуры и досуга.

В своей последней работе [6] я рассматриваю проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи (знание как содержание образования), показываю становление и развитие двух отраслей социологической науки — социологии знания и социологии образования, подчеркивая необходимость их совместных исследований. В центре моего внимания — наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности. Но, пожалуй, главное, на что хотелось бы обратить внимание, — это анализ образовательного знания как особого вида знания, в том числе и образовательного знания социологии. Это вид знания, который находится между научным и повседневным, обыденным знанием. В книге исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

Это о сделанном, а что дальше?

Прежде всего меня не может не волновать удручающее положение теоретической социологии в стране. Может быть, я излишне драматизирую ситуацию? Не знаю. Я его называю социологическим провинциализмом (в последней книге [6] я подробно о нем пишу, посвящая этому целый параграф в главе). Социологи не хотят или не могут работать в области теоретического знания. Я думаю, это следствие низкой культуры (общей и профессиональной), незнания зарубежной социологической литературы, иностранных языков. Даже в Екатеринбурге (не самая большая провинция, четыре социологических факультета в вузах города, два диссертационных совета, свои журналы и др.) по существу нет серьёзно работающих людей в области теоретической социологии. Очевидно, к ней нет интереса, такая деятельность не востребована.

Что касается моего собственного интереса в данный момент, то он связан с попыткой определить некоторые сценарии и тенденции развития теоретической социологии. Я думаю, их нужно видеть на путях усиливающихся связей теоретической социологии с естественными и социально-гуманитарными науками. По-моему, социология отчасти возвращается на «круги своя» (позитивизм).

Не случайно в последние годы все чаще говорят о физически ориентированной социологии, биосоциологии, инвайронментальной социологии, нейросоциологии, наносоциологии. Появилась даже пренатальная социология. Мне очень импонирует с этой точки зрения концепция мобильностей Дж. Урри, в которой теоретическая социология оказывается тесно связанной с развитием современных средств связи, транспорта и т. д. Мне лично кажется очень привлекательной концепция nanoобщества, и я подумываю о том, чтобы «подумать» в этом направлении.

Вообще же, если говорить честно, безумно устал от этой гонки, от книг, статей, исследований, докторантов, аспирантов, конференций, докладов и т. д. Хочется чуть-чуть отдохнуть, соскучиться по работе, не торопясь подумать. «Служенье муз не терпит суеты...».

В последнее время в статьях Л.Д. Гудкова, А.Ф. Филиппова и ряда других социологов звучат резко критические замечания относительно проводимых российскими социологами теоретико-методологических поисков. Что Вы скажете по этому поводу?

Я хорошо знаю об этой позиции и лет десять назад, не скрою, во многом был с ней согласен и даже где-то об этом писал. Ее впервые озвучил в полной мере А. Филиппов в книге «Теория общества». Если не ошибаюсь, это было в 1999 г., и у него в ней была большая статья «Теоретическая социология». Я ее хорошо помню и помню его

аргументы. Они были отчасти убедительны. Спустя лет пять аналогичную точку зрения высказал и Лев Гудков. В последние годы (2009–2011) Л.Д. Гудков довольно резко писал об отсутствии у нас настоящей теоретической социологии, А.Ф. Филиппов же, как мне кажется, чуть «подостыл». Не знаю, так ли это, но ощущения у меня именно такие.

Что касается моих взглядов по этому вопросу, то они по-прежнему не однозначны. С одной стороны, мне представляется, что в условиях отсутствия гражданского общества в нашей стране, господства вертикали власти, полицейского государства трудно рассчитывать на появление социологических теорий, в которых будет адекватно рассматриваться то самое негражданское общество, которое имеем. С другой стороны, сегодня у нас есть ряд вполне законченных («приличных») теорий (к примеру, теория трансформаций общества Т.И. Заславской и В.А. Ядова [2], теория социального неравенства О.И. Шкаратана [15], в которых дается глубокий анализ социальных явлений и процессов, характерных для современного этапа российского общества. Причем, эти теории имеют и национальный характер, и в то же время вписываются в мировые тенденции. Что особенно важно (для меня), они лишены всяких идеологических подпорок. Их отсутствие я считаю обязательным условием «нормальной» социологической теории. Поэтому, делаю я вывод, есть определенные основания говорить пусть и об ограниченном, но все-таки имеющем место в нашей стране теоретико-социологическом пространстве. Перспективы его расширения в настоящее время туманны, многое будет зависеть от отношения социологии и власти (или наоборот).

Вы были в прошлом году хотя бы на одном из съездов российских социологов? Если, да, то что Вам запомнилось из новых работ в области теоретической социологии?

Да, был в Уфе на конгрессе РОС в октябре. Не мог не быть, я ведь вице-президент Российского общества социологов. Причем я не только был и делал доклад «Социологический провинциализм: вчера, сегодня, завтра», но и руководил одним из заседаний — вместе с Ж.Т. Тощенко. Из новых работ (докладов) по теории на конгрессе почти ничего, к сожалению, не запомнилось. Честно сказать, я давно уже не жду на конгрессах и конференциях чего-то очень нового из этой области. Иное дело — доклады о результатах эмпирических исследований. Тут нового — хоть отбавляй. Я объясняю это обстоятельство не очень крупными, скорее локальными результатами проведенных исследований. В принципе же хочешь узнать что-то новое — читай книги, журналы и Интернет.

Тогда, Гарольд, к Вам вопрос как вице-президенту РОС. Есть разные точки зрения относительно существования в России не одного, а нескольких профессиональных объединений и, соответственно, проведения нескольких социологических конгрессов. Одни считают это нормальным, отражающим многообразие путей развития российской социологии, другие видят в этом конфликт, говоря словами профессора Теодора Шанина, не в социологии, а в социологическом сообществе. Каково Ваше мнение?

Я думаю, что конфликт имеет место не только в социологическом сообществе, но и в социологии. То, что в ней существует несколько профессиональных объединений, является совершенно нормальным. Более того, ряд представителей различных объединений участвуют в деятельности других. Так, на конгрессе в Уфе принимали участие члены сообщества профессиональных социологов, общества им. М.М. Ковалевского. Суть дела в другом. Нездоровая атмосфера вызвана стремлением руководителей некоторых из них (называю конкретные фамилии — Г.В. Осипов, В.И. Жуков, В.И. Добреньков) подмять под себя все социологическое сообщество, узурпировать власть над ним, добиться изменения ситуации. Ведь Российское общество социологов (РОС) было объявлено правопреемником Советской социологической ассоциации более 20 лет назад, и с тех пор представляет Россию в МСА и ЕСА. Более того, авторитет РОС постоянно растет, растет численность его членов, представляющих большую часть субъектов РФ. Но именно это и не нравится тем, кто занимает высокие руководящие должности в своих административных структурах, а общественные объединения оказываются вне зоны их контроля. В нашей стране существует известная традиция, которая называется вертикалью власти. Но в социологии она пока не работает, и очень хотелось бы, чтобы не работала и дальше. Между тем, именно за соблюдение этой традиции и выступают поименованные выше люди. Это — одна сторона конфликта.

Другая находится глубже и касается содержательного и даже идеологического размежевания социологов. Пример: Российская социологическая ассоциация (РОСА), руководителем которой является декан социологического факультета МГУ В.И. Добреньков (некоторое время назад официально уличенный в плагиате), совершенно четко проводит линию на сотрудничество с православной церковью и объявляет идеологическими устоями современной социологии православие, самодержавие и народность (см. его статью в журнале «Социологические исследования», 2009, № 8). Ситуация складывается таким образом, что появляются авторы, которые могут публиковаться в одних изданиях, а в другие им дорога закрыта. Дело доходит до того, что вводится запрет на цитирование тех или иных социологов. Так

что существующее противостояние в отечественной социологии имеет совсем не безобидный характер. Я считаю, что оно отражает, по крайней мере отчасти, реальный раскол, который существует в российском обществе.

Расширились ли в последние годы возможности социологов Екатеринбурга и других не столичных городов для ознакомления с достижениями западной социологии?

В последние годы — в связи с распространением Интернета, новых коммуникаций и технологий — у меня на этот счет изменилось мнение. Раньше я считал, что не столичные города обделены возможностями в плане изучения западной социологии. А сейчас, точнее несколько лет назад, понял, что дело в людях, а не в городах. Можно быть социологическим провинциалом в Москве и Питере, не читать, не интересоваться, не работать, не публиковаться, не стремиться к контактам и общению, а можно жить в глухой провинции (конечно, не в самой глухой) и по-современному работать.

Понятие социологического провинциализма имеет не только (а в ряде случаев и не столько) географический, но и содержательный характер. Он означает концептуальное и технологическое отставание социологии и социологов (научных коллективов) от передовых достижений науки. Явление социологического провинциализма — это иной, более низкий ее уровень. Социология — не математика, физика или биология, передовые рубежи развития которых имеют более строгие и четкие очертания, нежели у социогуманитарных наук. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: актуализация современных методов исследования (связанных в том числе с применением компьютерных технологий); появление новых концепций как способов интерпретации возникающих социальных процессов и явлений; использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их ценности и полезности; эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу; публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая благодаря СМИ и переводам работ на иностранные языки. Стремление соответствовать названным критериям — и есть преодоление социологического провинциализма в России. И еще одно важное обстоятельство: социологический провинциализм — это своеобразное состояние души социолога (группы социологов), его стремление к покою, а не к активному социологическому продвижению. Это отсутствие мотивации к социологическому творчеству, нежелание проводить исследования и публиковать их материалы, участвовать в научных дискуссиях, писать проекты и бороться за получение грантов и заказов.

К сожалению, как мне кажется (так хотелось бы ошибиться!), социологи Екатеринбурга (в своем большинстве) не очень стремятся быть на уровне современных тенденций, особенно в области теоретической социологии. Это вызывает у меня глубочайший пессимизм. Я ведь член диссертационного совета и ежегодно выслушиваю от 10 до 20 защит, включая несколько докторских. Была бы моя воля, как минимум 70% работ (а может, и больше) я бы не допускал к защите — мало того, что работы слабые, еще и защиты слабые. Стоит задать диссертантам вопрос относительно современных зарубежных работ (причем по их же проблемам), как тут же — ступор. Все это свидетельствует о низкой социологической культуре и низком уровне профессиональных знаний.

Кстати, по поводу современной зарубежной социологической литературы, точнее, ее переводов на русский язык. Сегодня переводится достаточно много работ известных зарубежных социологов, но у них у всех (это правило) есть как минимум один общий и довольно существенный недостаток: между публикацией книги (статьи) в оригинальном виде и ее изданием на русском языке — большой интервал времени, иногда до 20 лет. Читатели часто этого не замечают, и у них создается впечатление, что если книга опубликована в 2012 г., значит, она новая, прямо-таки новейшая, хотя на самом деле могла быть написана очень давно. Вот лишь один пример: концепция структуриации Э. Гидденса была впервые опубликована в виде книги в 1984 г., а на русском языке она вышла в свет спустя почти 20 лет [1]. Такие запаздывания усложняют общую ситуацию с изучением зарубежной социологии.

Что приобрела и что потеряла современная российская социология в результате перестройки и уже длительного постперестроечного периода?

Прежде всего, я думаю, что приобрела гораздо больше, чем потеряла. На первое место из приобретений я бы безоговорочно поставил свободу. Молодое поколение социологов, конечно же, это не чувствует и даже с трудом понимает, о чем идет речь. Приведу лишь один пример. Когда я рассказываю студентам и аспирантам, как меня через год после защиты докторской вызывал к себе первый секретарь Свердловского ОК КПСС Я.П. Рябов, который потом стал секретарем ЦК КПСС, и заставлял идти заведовать кафедрой в другой вуз, против чего я категорически возражал, а в ответ грозил всеми карами — исключением из партии (если я неправильно понимаю ее задачи — это был главный аргумент), лишением ученой степени, невозможностью трудоустроиться по специальности и т. д., они смотрят на меня выпученными глазами и не верят, что такое может быть. А я им говорю, что именно так и было, что человеческая судьба ничего не стоила,

и при этом рассказываю, что двухмесячное противостояние закончилось моим поражением, и я вынужден был согласиться. Правда, потом этот же Рябов на заседании бюро Обкома партии разливался соловьем в мой адрес («молодой, талантливый ученый, наша гордость» и проч.). Зато сейчас я прекрасно понимаю, что значит свобода. Последний случай: недавно меня приглашает губернатор выступить с докладом на каком-то семинаре под его руководством, а я отказываюсь, потому что не испытываю к нему ни капли уважения. И при этом я понимаю, что он ничего не сможет сделать, даже если захочет: ниже профессора не сошлют. И еще: губернаторы приходят и уходят, а профессора остаются. Но это уже «лирика».

Однако я отвлекся. Из приобретений российской социологии, помимо определенного уровня свободы, несопоставимого с тем, что было при советской власти, я бы назвал: новый статус науки и профессии, появившееся социологическое образование, возможность издаваться практически без ограничений, поездки за рубеж — самые разные, с самыми разными целями... Наверняка что-то не назвал, но главное выразил.

Что касается потерь, то некоторые из них, мне представляется, являются продолжением приобретений. Я бы сказал о резко снизившемся уровне социологического образования. Конечно, эта ситуация связана не только с социологией, но и в целом с положением дел в образовании страны. Вспоминаю своих студентов первой половины 1990-х гг.: горят глаза, энтузиазм, на семинарах каждый стремится что-то сказать, поспорить, знающие язык переводят источники, издаем хрестоматию по зарубежной социологии и т. д.; и сравниваю их с нынешними, которым в подавляющем большинстве вообще ничего не нужно. Конечно, очень разнится исходный уровень, с которым приходили студенты 20, даже 15 лет назад, и то, что есть сейчас. Но от того, что мы связываем ситуацию в социологическом образовании с положением дел в стране и образовании в целом, легче эта ситуация не становится. Зато становится неинтересно преподавателям приходиться в аудиторию. К числу потерь я отношу очень серьезный «раздрай» в социологическом сообществе, который начался около семи лет назад событиями на социологическом факультете МГУ и вовлек в свою сферу значительную часть социологов. Я не вижу ему конца — край и предвижу только усиление раскола среди социологов. Совершенно очевидно, что резко упал авторитет соцфака МГУ, равно как и тех, кто его поддерживает. А это очень плохо, особенно для престижа российской социологии за рубежом.

Проблемы на факультете начались с недовольства группы сильных студентов процессом преподавания. Они стали жаловаться на то, что с факультета ушли многие квалифицированные преподаватели;

что они не имеют возможности слушать ведущих социологов страны, которых не приглашают для чтения отдельных курсов или даже лекций; что их заставляют чуть ли не по одному учебнику сдавать все дисциплины (имеется в виду «Фундаментальная социология» В.И. Добренькова и А.И. Кравченко) и т. д. Они требовали встречи с ректором, выдвинули свои претензии. Кончилось тем, что ряд студентов был исключен из университета. Слава богу, социологическое сообщество не осталось в стороне, ребят восстановили в других вузах, и они получили социологическое образование. Но в процессе «разматывания» этого клубка были выявлены случаи плагиата в работах декана, о чем было написано письмо ректору В.А. Садовничему. Случаи плагиата выявила специальная комиссия, которая состояла из ведущих ученых. Российское общество социологов вместе с ними обратилось к руководству МГУ с предложением сменить руководство факультета, однако ничего сделано не было. Все осталось по-прежнему. Руководство факультета настолько себя дискредитировало, что стало объектом критики МСА. В частности, об этом неоднократно говорил (в том числе и на III Всероссийском социологическом конгрессе в 2008 г.) президент МСА М. Вевьерка. К этой некрасивой ситуации следует добавить попытку руководства Российской социологической ассоциации — Г.В. Осипова и В.И. Добренькова, а также В.И. Жукова, который возглавил Союз социологов России — узурпировать власть в российском социологическом сообществе. Понятно, что из этого ничего не получилось, но раскол в нем был обеспечен полнейший. Сегодня раскол еще более усугубился, что проявилось в проведении двух параллельных социологических конгрессов в 2012 г. Немалую роль в этом сыграли действия Г. В. Осипова, который, пользуясь поддержкой Президиума РАН, вопреки протестной позиции Российского общества социологов (в адрес Президиума РАН было направлено специальное письмо) «продавил» решение о проведении параллельного конгресса.

Не могу не назвать среди того, что сегодня огорчает, гигантское количество слабых книг по социологии — учебников и монографий. Это — следствие, точнее, продолжение тех больших публикационных возможностей, которые открылись в 1990-е гг. Резко ослабло действие фильтров (рецензенты, общественное мнение, критика и т. д.), а отсюда и низкое качество многих публикаций. Массовизация социологии — так бы я назвал этот феномен — привела к резкому снижению требовательности к ней и усилила неудовлетворенность ею в обществе. Последняя связана еще и с существенной разницей в результатах, полученных в ходе опросов общественного мнения по схожим проблемам, в чем многие видят определенную

ангажированность тех или иных социологических служб, а иногда и прямое вмешательство Кремля.

Вспомним, как активно в СССР развивались исследования образа жизни, сколько было сделано в области социального планирования трудовых коллективов (в том числе, и в Свердловске) и по ряду других тем. Как Вы думаете, в обозримом будущем результаты этой работы будут востребованы или останутся лишь частью истории нашей социологии?

Я думаю, что какие-то исследования и их результаты будут востребованы социологами (и не только ими) и в дальнейшем (трудно сказать, насколько обозримом), какие-то — канут в Лету. Все, что было связано с идеологией советского времени, несомненно, уйдет. Вот, к примеру, проблематика образа жизни. Конечно, вся «накись», связанная с «преимуществами советского социалистического образа жизни над буржуазным», давно уже никому не нужна. Но теоретические, методологические и методические разработки исследования образа жизни необыкновенно важны и полезны и сейчас. Думаю, что они пригодятся и в будущем; это касается также результатов эмпирических исследований, особенно в компаративном плане. Кстати, интересно, что в первой половине 1990-х гг., когда мы активно обсуждали и осуждали многое из того, что делалось при социализме, под «горячую руку» попала и проблематика образа жизни. Поэтому не случайно был большой перерыв в ее изучении (лет десять, не меньше), когда под флагом отказа от проблем социалистического образа жизни ушли и от самого образа жизни как социологической проблемы. К счастью, потом опомнились, и сейчас ей уделяется определенное внимание.

Ваш вопрос об образе жизни попал в «самую точку», поскольку эта проблема мне очень близка, а с ее исследованием была связана одна не очень приятная история. Я занимался этой проблемой с середины 1970-х до середины 1980-х гг., выполнил несколько десятков работ. Правда, крупных публикаций не было, кроме одной книги [7], зато оказалось много брошюр и статей. Было и одно серьезное эмпирическое исследование — образа жизни учительства Свердловской области, проведенное на основе разработанной мной методологии его многомерного изучения (включая изучение бюджета времени учителей). Оно было осуществлено в 1977–1978 гг., в самый пик интереса к проблематике образа жизни. Мы получили результаты, которые привели нас к выводу о необходимости глубоких и коренных реформ учительства, школы и всей системы образования, в особенности педагогического (это в разгар «застоя»!). Надо ли говорить, что у меня были очень большие неприятности? Брошюра с материалами исследования, несмотря на то, что на ней стоял гриф «ДСП», попала к

министру просвещения. Тот, прочитав ее, топал ногами и «брызгал слюной», требуя осудить и запретить впредь подобные исследования, а по отношению ко мне лично — применить самые жесткие санкции административно-организационного и партийного характера. Слава богу, все обошлось, я отделался выговором.

Не исключаю, что можем вернуться и к проблеме социального планирования трудовых коллективов. Но для этого необходимы объективные предпосылки, прежде всего стабилизация экономической сферы и нормальная работа бизнес-сообщества. Без этого интереса к таким исследованиям не появится. Когда бизнес поймет, что ему необходимы успешно работающие стабильные трудовые коллективы, он сам будет искать социологов для разработки планов их социального (и не только социального) развития. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь, сегодня мало что в нашей стране может об этом свидетельствовать. Но очень хочется так думать и на это надеяться. «Ничто на земле не проходит бесследно», — поется в известной песне советских лет. То, что было в нашей социологии раньше, тоже не должно пройти бесследно.

Назову одну из проблем, следующих из отмеченного Вами снижения уровня интереса студентов к науке и слабого знания ими даже недавнего прошлого страны. Может произойти, если уже не произошло, расщепление послевоенной советской / российской социологии на две, скажем: доперестроеную и постперестроеную. И затем — забвение своего прошлого, аналогичное тому, что мы уже пережили: до недавнего времени почти полное незнание дореволюционной и ранней советской социологии. И не говорит ли сказанное о необходимости активизации исследований по истории недавнего прошлого, а то многое окажется невосполнимо потерянным?

Я согласен с Вами. Такая опасность существует, и новое поколение социологов вполне может превратиться в «манкуртов». Причем эта опасность касается не только «доперестроечной», а также дореволюционной и раннесоветской социологии, но и вообще классического социологического наследия. Самое любопытное состоит в том, что этот феномен распространен не только у нас, но и за рубежом; там, может быть, даже еще больше. Когда появляется статья с названием «Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом?» (*Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s // The Sociological Review. 1997. Vol. 45. No. 1*), отражающая на основании проведенного исследования мнение студентов американских университетов относительно изучения истории социологии, что удивляться этому нам? Думаю, что если бы провели сегодня такое же исследование

среди наших студентов, мы вряд ли получили бы другое мнение. Но вообще это интересная тема для исследования.

Отсюда — очевидный вывод: необходима не только активизация исследований по истории социологии недавнего прошлого (что само по себе очень важно), но и работа со студентами в этом направлении. Ни одна разработка темы курсовой и дипломной работы не должна обходиться без ее серьезного историко-социологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И.О. Тюриной. М.: Академический проект, 2003.
2. *Заславская Т.И., Ядов В.А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
3. *Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах: Монография / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012.
4. *Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Социология педагогического образования. Екатеринбург-Сургут: РИО СурГПУ; РИО ГУ Екатеринбурга, 2011.
5. *Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Учителство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования. Сургут: РИО СурГПУ, 2012.
6. *Зборовский Г.Е.* Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013.
7. *Зборовский Г.Е.* Как стать незаменимым. Свердловск: Сред.-Урал. книжное изд-во, 1989.
8. *Зборовский Г.Е.* Социология досуга и культуры. М.: Изд-во «Альтекс», 2006.
9. *Зборовский Г.Е.* Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2007.
10. *Зборовский Г.Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009.
11. *Зборовский Г.Е., Орлов Г.П.* Правильное использование свободного времени школьников — одно из средств воспитания // Советская педагогика. 1966. № 6. С. 71–75.
12. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80–91.
13. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Прикладная социология: Учебное пособие / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. М.: Гардарики, 2004.
14. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Социология образования / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. М.: Гардарики, 2005.
15. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность / НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.